

*3 сентября 20... года (11 часов утра).
Областной суд крупного уральского города*

Неяркое сентябрьское солнышко едва проникало сквозь неплотно прикрытые жалюзи в зал судебного заседания. Притихшие присутствующие на процессе застыли, стараясь не пропустить ни слова из оглашаемого судьей приговора. Усталая публика переминалась с ноги на ногу, терпеливо дожидаясь финала. Всех мучил один и тот же вопрос: посадят или отпустят? Если посадят, то надолго ли?

Судья продолжала монотонно читать приговор, откладывая в сторону уже оглашенные страницы, и стопочка листов на столе все росла. Юридические термины, налезая друг на друга, формировали судебное решение. И как ни старались присутствующие в зале понять, куда клонит слепая Фемида, им это не удавалось. Самые сообразительные пытались отгадать суть окончательного вердикта по лицам служителей правосудия. Но сделать это было не просто. Народные заседатели, почтенного возраста дедок и бабуля, явно томилась и думали, похоже, только о чем-то своем. Изредка они с тоской поглядывали на медленно растущую стопочку прочитанных листов обвинительного заключения. Каменное лицо государственного обвинителя ничего не выражало. Защитники были взволнованы, но прочитать на их физиономиях что-то определенное было трудно. Самый молодой адвокат — привлекательная девушка с бледным лицом и невообразимой расцветки ярким шейным платком, записы-

вала отдельные моменты приговора себе в блокнот. Она волновалась больше других. Ручка несколько раз выскальзывала из ее дрожащих пальцев и падала на пол. Девушка украдкой подбирала ее, стараясь не привлекать к себе внимания. И все же эта ее суета попала в поле зрения председательствующей. Оторвавшись от чтения приговора, судья смерила не в меру впечатлительного адвоката ледяным взглядом, намереваясь сделать ей строгое внушение, но в последний момент передумала. Чтение приговора было продолжено несколько в более бодром темпе. Тележурналисты и публика слегка приободрились, получив маленькую надежду на то, что заключительная часть судебного решения уже не за горами...

«Господи, помоги! Ну смилуйся, ради всего святого. Ты знаешь, как будет выглядеть этот человек через двадцать три года? Сейчас ему двадцать пять. Значит, освободится он в сорок восемь. Казалось бы — всего ничего. Мужчины под пятьдесят обычно еще довольно привлекательны... Да, но только не после тюрьмы. Худой, изможденный зэк, обозленный на весь белый свет, страдающий всеми мыслимыми болячками...»

Неизвестно, были ли услышаны слова молодого адвоката, но судья, потеряв терпение, поинтересовалась:

— Адвокат Дубровская! Как вы полагаете, чем мы тут занимаемся? — спокойный тон женщины явно не предвещал ничего хорошего. — Если вам плохо, покиньте зал.

Елизавета взяла себя в руки.

— Извините, ваша честь! Мне хорошо... — она загнулась, опасаясь, что сморозила глупость.

— Тогда мы, с вашего позволения, продолжим. Судебная коллегия приговорила...

По залу пронесся вздох.

«Мне плохо! Мне очень плохо! Господи, если бы можно было вернуть все назад, я бы ни за что на свете не кинулась очертя голову в это дело. Пусть бы Пет-

ренко защищал другой адвокат. Умный и опытный. А кто такая я? Без году неделя в адвокатуре, вчерашняя студентка (хотя и отличница), но неисправимая идеалистка, папенькина дочка и наивная дуреха!»

Память услужливо вернула Елизавету в тот памятный день, в самом конце мая, когда все только начиналось...

Тремя месяцами раньше...

Молодой адвокат Елизавета Дубровская с самого утра пребывала в подавленном настроении.

День не задался с самого начала. Будильник не прозвонил вовремя. Когда Лиза соскочила с постели, было уже без четверти девять, то есть до назначенной встречи с клиенткой оставалось что-то около двадцати минут. На беду Елизаветы, городские службы водоснабжения именно в это злосчастное утро проводили плановое отключение воды в их районе. Разумеется, об этом жильцов информировали заранее. Однако, что вполне в духе Елизаветы, она это «приятное предупреждение» пропустила мимо ушей. Конечно, если бы дома оставалась мама или заботливая няня Софья Илларионовна, они бы не стали жертвами обычной для любого россиянина ситуации. Но старшее поколение вот уже неделю находилось на даче. Младший брат Елизаветы путешествовал по Золотому кольцу, а она была предоставлена самой себе. Одиночество ничуть не тяготило молодого адвоката, напротив, оно имело массу плюсов. Но в тот момент, когда девушка почти безнадежно пыталась нацедить из чайника скудное количество воды, она уже засомневалась, столь ли уж обременительна родительская опека для двадцатичетырехлетней девицы.

Протирая заспанные глаза, Елизавета мысленно ругала себя за несобранность. Если бы был жив отец, он непременно прочел бы ей нудную нотацию на тему той роли, которую играет внешний вид человека при завоевании профессиональных высот, да и в простом

человеческом общении. Герман Дубровский был педантом, но при этом всегда оставался самым нежным, любящим и заботливым отцом и мужем. Он умер от сердечного приступа менее года назад, оставив семье неплохую материальную базу и престижную работу для Елизаветы. Одним словом, сделал все, чтобы и без него жизнь его обожаемых домочадцев не покатила вниз по наклонной плоскости. И все же семью, лишившуюся крепкой мужской опоры, поджидали нелегкие времена и даже совсем неожиданные испытания. Во-первых, Лизе почти сразу же вежливо отказали от места в самой престижной юридической фирме города. Взамен ей предложили адвокатскую практику в большой и бестолковой конторе, где о стабильном заработке приходилось только мечтать. Мать, в прошлом музыкант, а в настоящем — вдова богатого мужа, на несколько месяцев погрузилась в черную меланхолию. Младший брат Антон, почувствовав вольницу, стремительно съехал в школе на тройки, курил в подьезде, стал хамить всем по поводу и без него. В общем, семья крупного государственного чиновника в масштабах отдельно взятого федерального округа вступила в полосу адаптации к суровым условиям самостоятельной жизни.

Воспоминания об отце не способствовали улучшению дурного настроения Елизаветы. Девушка наскоро привела в порядок волосы, чиркнула помадой по губам и, с грустью констатировав, что ее внешний вид далек от совершенства, вылетела из квартиры. По дороге на работу она со страхом пыталась вспомнить, не забыла ли выключить в спешке утюг. Но поворачивать назад было уже поздно. Ее престарелая клиентка, должно быть, уже терзала адвокатов вопросами, куда могла пропасть такая непунктуальная Елизавета Германовна.

Выскакивая из троллейбуса, Лиза зацепилась колготками за что-то острое, торчавшее из чьей-то грязной брезентовой сумки. «Наплевать!» — отчаянно подумала она, чувствуя, как предательская петля уже по-

ползла вверх по ее лодыжке. Но на этом неприятности не закончились. Ворвавшись в помещение юридической консультации, Дубровская убедилась в том, что клиентка, из-за которой, собственно, и имел место весь утренний круговорот, еще не появлялась. А это означало, что Елизавета зря просидела за компьютером половину вчерашней ночи, составляя исковое заявление для бабули. К сожалению, это была довольно распространенная ситуация, когда клиент, не отважившись признаться, что не сможет оплатить услуги адвоката, просто не приходил в назначенный час.

Елизавета злилась, просматривая отпечатанные листы. Еще бы! Триста рублей гонорара для нее не были бы лишними: она с трудом привыкала к новой жизни и вынужденному режиму строгой экономии. Ее любимый «Пежо» опять стоял без бензина, что рождало черные мысли о его возможной продаже. Кому сказать — не поверят! В сознании российских граждан, адвокаты лопатой гребут дармовые деньги. А она, Елизавета Дубровская, сидя в своей обшарпанной юридической консультации, соображает, что бы такое соорудить сегодня на ужин подешевле...

От невеселых мыслей и одновременного созерцания брачующейся мушиной парочки Елизавету отвлек энергичный голос заведующего Пружинина. Указывая в сторону Дубровской коротким толстым пальцем, он что-то говорил высокому статному мужчине. Посетитель кивнул головой и направился в ее сторону.

— Елизавета Германовна? — осведомился незнакомец. — Простите, что сваливаюсь, словно майский снег, на вашу голову, но умоляю, выслушайте меня.

Он одарил ее такой лучезарной улыбкой, что Дубровская невольно зарделась. Девушка в смущении засунула ноги подальше под стол, чтобы мужчина не заметил дыры на колготках. Незнакомцу было не мень-

ше пятидесяти, но, глядя на него, Елизавете вдруг захотелось проверить, ровно ли у нее накрашены губы и не торчит ли темная челочка хохолком. Посетитель не был красавцем, однако обладал каким-то особым обаянием, которое привлекло бы даже самую замотанную домашними проблемами тетку. Что уж говорить о Елизавете! Широко открыв огромные карие глаза, она пыталась отгадать, что привело к ней этого привлекательного, галантного и, по всему видно, небедного мужчину.

— Я представляю, какой у вас, должно быть, плотный рабочий график, но надеюсь, что вы не откажете мне взять на себя защиту моего близкого товарища. Разумеется, гонорар — полностью на ваше усмотрение. Я заранее готов к любому вашему предложению.

Елизавета не верила своим ушам. Отказаться?! Интересно, что сказал бы этот человек, узнав, что у Елизаветы в ее «плотном графике» числилось единственное дело по иску бабуся, которая по собственной дури свалилась в гудрон.

— Вы имеете в виду защиту по уголовному делу? — осторожно поинтересовалась Дубровская, боясь спугнуть такую удачу и опасаясь, не путает ли мужчина ее с кем-нибудь из преуспевающих коллег...

— Давайте все по порядку. С вашего разрешения, я вам представлюсь. Виктор Павлович Полич...

Мужчина вытащил из барсетки визитку и передал ее Елизавете. На красном тисненном бланке, помимо имени-отчества, значилось: «Директор охранного предприятия «Муха». Он небрежно положил рядом ключи от автомобиля. «Вольво!» — наметанным глазом определила Лиза. Респектабельный внешний вид, манера поведения, уверенность в собственных силах — все подчеркивало надежный социальный статус потенциального клиента и совершенно сбивало Елизавету с толку. Без сомнения, этот человек мог заручиться помощью любого адвоката с солидными связями и внушительным опытом.

Словно отвечая на ее вопрос, Полич пояснил:

— Видите ли, Елизавета Германовна. Я слышан о вас как об очень работоспособном специалисте, с четкими моральными качествами. Не спорьте, прошу вас! — Он, видимо, принял округлившиеся глаза Дубровской и ее приоткрытый рот за желание скромно возразить.

Между тем Елизавета, просто потеряв дар речи, слушала, не пытаясь вставить ни слова.

— Сожалею, Елизавета Германовна, что дело, которое я вам предлагаю, вряд ли можно отнести к разряду перспективных. Но, понимаете ли, есть долг дружбы, долг чести, который я и пытаюсь выполнить. Двое моих знакомых попали в неприятную переделку. Им инкриминируют убийство известного в нашем городе бизнесмена Макарова. Не слышали? Вообще-то это преступление прогремело на всю область. Фигура, знаете ли, жертвы была не мелкого масштаба. Короче, вляпались ребята в историю. Вы уж простите за выражение... Дело молодое. Поссорились, поконфликтовали с покойником — и вот результат. Убийство!

— А доказательства есть? — нерешительно спросила Лиза.

— Улик, уважаемая Елизавета Германовна, — вагон и маленькая тележка. В том-то все и дело! Но вы не пугайтесь, я перед вами заоблачных целей ставить не буду. Сам понимаю, на нет — и суда нет! Но вы уж не откажите, поучаствуйте. Может, вам удастся пару годков для ребят у суда отвоевать. В долгу не останусь. Поверьте!

Елизавета верила. В общем, она столкнулась с приятным случаем в практике каждого адвоката. Клиент — платежеспособен, даже более того. Но одновременно он реально смотрит на вещи и не требует от защитника невозможного. Чаще встречаются дела, когда адвокату приходится любой ценой оправдывать каждую потраченную на него клиентом копейку. Более того, частенько клиент полагает, что задача защитника в том

только и состоит, чтобы наводить мосты с прокуратурой и судом, шушукаться с нужными людьми и потихонечку совать им купюры вознаграждения за их хлопоты. Бесспорно, так же считает и некоторая часть защитников, но, к счастью, не все адвокатское сообщество. Не то чтобы Елизавета Дубровская была истой и несгибаемой правдолюбой, но она как-то с трудом представляла себя в недвусмысленной роли блюстителя закона, комкающего в потных ладошках заветный конвертик несправедного вознаграждения.

В общем, сейчас все складывалось на редкость удачно. Взволнованный Полич с надеждой смотрел на нее, ожидая ответа. Чтобы не растерять остатки собственного достоинства и не разрушить образа, который добродушный клиент навязал ей без всякого ее участия, Дубровская для виду задумалась. Не могла же она брякнуть: «Да!», хотя язык ее уже просто чесался от нетерпения. Вытащив ежедневник, Елизавета сосредоточенно изучала его, чтобы клиент ненароком не засекал его пустые страницы, и почти без эмоций произнесла:

— Да. Пожалуй, у меня найдется время заняться вашей проблемой.

Лицо Виктора Павловича озарилось такой неподдельной благодарностью, что Лиза почувствовала слабый укол совести. Но голос желудка подчас бывает сильнее моральных угрызений, и Дубровская успокоила себя тем, что она, собственно, не навязывала своей помощи этому приятному во всех отношениях мужчине, а только сделала ему одолжение, о котором он сам ее просил.

— Извините, — напоследок решила она, — а кто вам порекомендовал меня?

— Семен Иосифович Грановский, — сообщил Полич. — Он, кстати, вел это дело на следствии и добился немалых успехов. Но обстоятельства складываются так, что Семен Иосифович сам не сможет участвовать в суде. Однако любезно согласился помочь мне в поисках достойной себе замены...

Остаток встречи прошел для Дубровской как в тумане, поскольку она, как ни старалась, не могла понять происходящей нелепицы. Грановский — самый лучший адвокат их города и области, а Елизавета Дубровская — его достойная замена! У любого мало-мальски сведущего в этих вопросах человека просто живот прихватило бы от смеха. Кроме всего прочего, у Семёна Иосифовича с недавнего времени упоминание о Лизе Дубровской могло вызвать лишь обильный выброс желчи и желание сплунуть. Но она о тех событиях старалась не вспоминать!

Соорудив наскоро что-то вроде легкого ужина, Елизавета старалась вместе с ним переварить и события этого, во всех отношениях, неоднозначного дня. Внутренний голос дотошно не давал ей насладиться столь редким предложением и востребованностью ее юридического таланта.

Итак, Семён Иосифович Грановский — великий адвокат всех времен и народов... Точнее, был таковым до недавнего времени, когда на его триумфальном пути встала молодая и настырная Елизавета. Пару месяцев назад был вынесен приговор членам преступной организации, возглавляемой бывшим депутатом Законодательного собрания области Александром Суворовым. Дело было очень громким. Шумиха вокруг него выплеснулась не только на отечественные экраны, но даже падкие до сенсаций американцы посвятили несколько репортажей криминальной революции в отдельно взятом российском городе. Если бы Александр Суворов родился в Америке, то имел бы все шансы стать легендой вроде Аль Капоне. Он был молод и удачлив. Его преступное сообщество занималось политической, экономической и шумной общественной деятельностью. Однако уголовное дело в отношении лидера и некоторых членов этого криминального синдиката, обещавшее поначалу стать грандиозным успехом

правоохранительных органов области, столкнувшись с серьезным противодействием преступного мира, начало хиреть и рушиться на глазах. Умелое сочетание адвокатского таланта Грановского и незаконных методов давления, подкупа и шантажа основных свидетелей обвинения плавно подвели дело к оправдательному приговору. И на этом можно было бы поставить точку, не вмешайся в этот процесс малоопытная и незаметная поначалу Елизавета. Выяснив, что выкрутившийся мерзавец Александр Суворов стал косвенным виновником преждевременной смерти ее отца, она, подобно ищейке, бросилась по следам криминального авторитета. Конечно, результаты ее поисков, несмотря на некоторую сенсационность, не смогли бы поколебать прочные позиции защиты. Но в дело вмешался случай...

Спонтанность и непредсказуемость действий молодого адвоката вкупе со столь серьезным союзником привели защиту, тонко выстроенную адвокатским гением Грановского, к полному краху. Пикантность ситуации состояла в том, что своей победой обвинение было обязано защитнику. Казалось, это был грандиозный скандал, в ходе которого Дубровскую должны были обвинить в нарушении адвокатской этики, прав клиента на защиту, вопиющем непрофессионализме. Но тщеславие государственного обвинителя, прикарманившего в последний момент всю славу, спасло Елизавету от неприятностей. Грановский так и не смог оправиться после провала перспективного во всех отношениях уголовного дела, и его репутация серьезно пострадала. Поговаривали, что в последнее время он отошел от дел, частенько засиживался в барах, а во главе некогда знаменитой юридической фирмы «Законность» стал молодой и нахрапистый сынок председателя одного из районных судов города.

Таким образом, положительно характеризовать адвоката Елизавету Дубровскую в настоящий момент

могла разве что Генеральная прокуратура. Но что толкнуло Грановского на такой, с точки зрения здравого смысла, необъяснимый поступок, молодой, очаровательной Лизе было непонятно.

Между тем, как могло показаться на первый взгляд, Семеном Иосифовичем Грановским вовсе не руководило чувство мести. Он не держал зла на Елизавету. По правде сказать, ему казалось, что какие-либо чувства вообще покинули его. За исключением, пожалуй, острой жалости к самому себе.

Он пропускал с утра уже третью рюмочку «Хеннеси», в который уже раз прокручивая в голове одни и те же мысли. Было очевидно, что после поражения в деле Суворова жизнь его волшебным образом изменилась. Только волшебник, похоже, оказался злым. Из преуспевающего, довольного собой, оборотистого адвоката Семен Иосифович враз превратился в подобие его посредственных коллег. Была ли в этом виновата Елизавета Дубровская, однозначно он ответить не мог.

Грановский вспомнил, как эта девушка в сопровождении своего отца впервые перешагнула порог конторы «Законность». Какой она тогда казалась хрупкой и неуверенной. Это было особенно заметно на фоне Германа Дубровского, крупного чиновника, имевшего все шансы продолжить свою головокружительную карьеру в Москве. Семен Иосифович, словно сейчас, видел счастливое лицо Лизы, когда мужчины, коротко побеседовав, скрепили свою договоренность крепким рукопожатием и стаканчиком французского коньяка. Конечно, это были простые формальности. Вопрос о приеме дочери Дубровского в штат самой престижной юридической фирмы города был решен ими заранее. Кто бы мог тогда подумать, что уже через несколько часов после посещения Дубровским «Законности» этого сурового, деятельного человека не будет в живых.

Второй раз Елизавета появилась в фирме вскоре после похорон. Миниатюрная, съежившаяся от горя, словно озябший воробышек, темноглазая, с белым лицом, она вызывала жалость. Но только не у Грановского. Не то чтобы он был совсем равнодушным к людскому горю, по-своему он даже жалел Елизавету, однако интересы его любимого детища — фирмы «Законность» — определял четко. Ушел в мир иной Дубровский — отпала необходимость держать у себя его дочь. Поэтому Семен Иосифович быстренько спихнул ее в одну из юридических консультаций, где некогда начинал сам.

И вот теперь, сидя в своем роскошном кабинете наедине с черными мыслями, Грановский многое переосмысливал. Возможно, в тот памятный день он выставил вон не Елизавету, а захлопнул дверь за своей удачей. Иногда Грановский был суеверен.

Вот если бы тогда он поступил по-иному...

Если бы тогда не сваял дурака, эта девочка находилась бы у него под контролем и уж точно не участвовала бы в этом роковом процессе.

Грановский в сотый раз мысленно прикидывал варианты своих тогдашних действий. За этим занятием и застал его Полич. Отметив, как радостное возбуждение от встречи с великим адвокатом сменилось у гостя неким недоумением, Грановский испытал даже какое-то злорадное чувство. Семен Иосифович был навеселе и, когда бывший клиент начал интересоваться перспективами судебного следствия, ни с того ни с сего брякнул:

— Виктор Павлович! Я рекомендую вам Елизавету Дубровскую. Не смотрите, что она совсем молодая. Хватка у этой девицы, скажу вам честно, как... — тут Семен Иосифович запнулся, подбирая выражение, соответствовавшее его смешанным чувствам по отношению к Лизе, — как у бульдога. Знаете такую собачку?

Полич подозрительно быстро согласился на это

предложение и, до крайности озадаченный, покинул адвокатское святилище.

Грановский смотрел ему вслед, ничуть не сожалея о том, что такое денежное дело уплывает из его рук. По правилам, он мог бы передать защиту одному из своих партнеров, но не хотел этого делать.

«Подлые трусливые шакалы! Только почувствовали запах мертвечины, как тут же накинулись на старика Грановского со спины... Пусть лучше Лизка Дубровская подзаработает... Хотя, если разобраться, толку от нее в процессе не может быть никакого. Как пить дать, загубит все дело!»

Вопреки опасениям Полича, что это уголовное дело — безнадежно, сама Дубровская была полна оптимизма. С присущей всем новичкам самонадеянностью она полагала, что сможет сотворить чудо.

«Полич, конечно, милый и благородный человек, — рассуждала она. — Но он не профессионал по части юриспруденции. Где ему знать, какие ловкие ходы может придумать защитник!» А то, что эти ходы она найдет, Лиза не сомневалась ни на минуту. Да и какие могли быть в этом сомнения! Она вывернется наизнанку, будет землю рыть, но добьется успеха. Да она в порошок сотрет... Впрочем, кого она собиралась превратить в пыль, Лиза пока не придумала. Вместо этого ее богатое воображение уже разворачивало перед ней приятные картинки будущего...

Вот ее подзащитного освобождают из-под стражи. Он бросается к Елизавете со словами признательности: «Вы — выдающийся адвокат. Вы вернули мне свободу. Буду благодарен вам до конца моей жизни».

А вот и его счастливая жена. Ее голос дрожит от слез: «Если у нас родится девочка, мы обязательно ее назовем Лизой. В вашу честь!»

В сторонке стоит Полич: «А я и не сомневался в

вашем успехе. Ведь вы волшебница, Елизавета Германовна!»

Журналисты окружают ее плотным кольцом. «Как вам это удалось, госпожа Дубровская?», «Вам пророчат великое будущее. Раскройте секрет вашего везения». Но тут все расступаются. Вперед выходит молодой мужчина, чем-то похожий на Джорджа Клуни. Он улыбается ей. В его руках — потрясающий букет. Он смотрит Лизе прямо в глаза и чарующим баритоном произносит...

— Вы, черт возьми, собираетесь мне помочь? Я что, на собственном горбу должна вам перетаскивать всю эту кучу? Ревматизм совсем замучил, а у вас ни стыда ни совести!

Лиза вздрогнула. Какой такой ревматизм может быть у Джорджа Клуни? И о какой, собственно, куче идет речь?

Толстая тетка, задыхаясь, плюхает перед Елизаветой на стол кипу пыльных томов уголовного дела. Да она же в областном суде! И до встречи со славой, а также и с женщиной ее мечты, ее разделяет всего-то ничего — долгие месяцы судебного процесса. А это значит — кропотливый сбор материалов, бесконечные часы в библиотеке, ночные бдения над бумагами и... Хватит! Пора приниматься за дело. Уже через пятнадцать минут Елизавета полностью ушла в работу. С головой окунулась в протоколы допросов, очных ставок, экспертиз и рапортов. Она настойчиво искала пути к будущей победе, искала отчаянно, будто на карту была поставлена ее собственная жизнь.

Результатом пятидневных усилий изучения вороха судебных бумаг, учебников уголовного права и кодексов стала более или менее стройная картина событий 30 августа 20... года, развернувшихся на берегу Кедрового озера...

Итак, в тот день ничем не примечательный предприниматель средней руки, некий Орест Бергер праздновал на территории яхт-клуба, что у озера Кедровое, свое сорокалетие. Приглашенных было что-то около тридцати человек. Все сплошь положительные и законопослушные граждане. В качестве почетного гостя семейка Бергеров ожидала Виталия Александровича Макарова, преуспевающего бизнесмена, общественного деятеля, известного мецената, в общем, человека во всех отношениях незаурядного.

Макаров почтил приятное общество своим присутствием, поздравил юбиляра и поспешил откланяться, так как его ожидали важные дела. Усевшись в собственный джип с верным охранником Агеевым, помахав провожавшим рукой, Макаров отбыл. Едва джип скрылся за поворотом и за ним улеглась дорожная пыль, воздух над Кедровым озером взорвали... нет, не удары грома, а автоматные очереди. Поспешившие на выстрелы гости увидели удручающую картину. Джип неуклюже замер у ворот, не успев покинуть территорию яхт-клуба. Агеев, видимо, был расстрелян в момент, когда вышел из машины, чтобы открыть калитку. Его тело распласталось у колес джипа. Если на водителя неведомый преступник, можно сказать, пожалел боеприпасов, то Макарову уж точно досталось сполна. Его труп, изрешеченный выстрелами, сжукожился на переднем пассажирском сиденье. Словом, зрелище было ужасающим.

Елизавета, рассматривая фотографии с места происшествия, невольно содрогнулась. Зияющие раны на шее и груди Макарова, оливкового цвета джемпер, залитый кровью...

Гости Бергера, несмотря на алкогольный дурман, уже успевший окутать их головы, а может, и благодаря ему, проявили чудеса сообразительности и расторопности. Выяснив у трех случайных свидетельниц происшествия направление, в котором скрылись злоумыш-

ленники, они поспешно оседлали «Ниву» и «жигуленка» и рванули в сторону развилки дорог, где у них имелись все шансы опередить негодяев и отрезать им путь к бегству... Да, еще одна маленькая деталь. Начинался сезон охоты, и поэтому некоторые из гостей, собираясь поутру пострелять дичь, захватили с собой ружья. С этим оружием наперевес преследователи перегородили убийцам дорогу. И чуть было не добились своего!

Кремовая «девятка» шла не быстро. Но, заметив преграду из людей и машин, водитель начал притормаживать. Люди на дороге махали ружьями и требовали остановиться. Двое в салоне, переговариваясь между собой, решали, видимо, как поступить в сложившейся ситуации. Автомобиль, почти замедливший ход, вдруг резко рванул прямо на гостей, намереваясь проскочить. И это чуть не стоило жизни свидетелю Куролесину. Мужчина едва увернулся от летевшей на него смерти. Руками он даже коснулся капота автомобиля...

Все кинулись по машинам. Началась погоня. Наглая «девятка» летела, словно камень, выпущенный из пращи. Она чуть не лишила жизни доблестного сотрудника ДПС Толстикова, пытавшегося выполнить свой профессиональный долг и остановить сумасшедшую гонку. Бедный сержант едва успел отскочить в сторону и, не удержавшись на ногах, плюхнулся на пятую точку. Ну а далее события разворачивались, как в кинофильмах с погонями...

Едва поступило сообщение, что со стороны озера Кедровое мчится кремовая «девятка», чуть не сбившая младшего сержанта, два экипажа ППС и командир взвода ДПС ГАИ предприняли попытку задержать взбесившийся автомобиль на стационарном посту ГАИ.

Еще через пять минут дежурному сообщили, что все три машины, проигнорировав требование остановиться, миновали пост ГАИ. Предупредительные выстрелы не возымели нужного результата. Дело приобрело крутой поворот. До въезда в город оставались

считанные километры. На городских улицах лихие автогонщики наделали бы много беды.

— Перекрыть дорогу! — поступила команда.

Служебные автомобили блокировали магистраль прямо у стелы с названием города. Водитель кремовой «девятки» не успел ничего сообразить, когда впереди возникла преграда. При резком торможении машину занесло, и она, развернувшись, уткнулась в металлическое ограждение. Рядом остановились автомобили преследователей.

Несколько минут спустя все фигуранты происшествия лежали на горячем от солнца асфальте, наблюдая в непосредственной близости пыльные милицейские ботинки. Погоня закончилась...

Елизавета, вооружившись цветными фломастерами и листами бумаги, пыталась привести в систему полученные сведения.

Итак, в кремовой «девятке» находились двое молодых мужчин. Один — Перевалов Альберт Викторович, заместитель директора охранной фирмы «Муха». Другой — клиент Елизаветы, Петренко Сергей Алексеевич, рядовой охранник той же фирмы. Они были задержаны, и спустя положенное законом время им было предъявлено обвинение в умышленном убийстве двух лиц: граждан Макарова и Агеева. Более того, с легкой руки следователя прокуратуры Васильчикова список инкриминируемых Перевалову и Петренко деяний пополнился покушением на жизнь Куролесина, пытавшегося, выполняя свой общественный долг, остановить преступников, а также посягательством на жизнь работника правоохранительных органов младшего сержанта Толстикова.

Елизавета вздохнула. Два убийства и два покушения — многовато! Но даже не это имел в виду Полич, когда говорил, что не будет ставить перед Елизаветой неразрешимых задач. Главное заключалось в доказа-

тельстввах, которых, на взгляд неискушенной в судебных баталиях Елизаветы, было достаточно. Она расчертила лист бумаги, в двух колонках поместила «Перевалов» и «Петренко», в каждую из них занесла собранные по делу улики.

Перевалов: 1) На автомате, обнаруженном в 170 метрах от ворот яхт-клуба, обнаружены два волокна темно-серого цвета. По заключению эксперта, они идентичны волокнам, входящим в состав джемпера Перевалова. Именно в нем он был задержан сразу после совершения преступления.

2) На обуви Перевалова, согласно заключению почвоведческой экспертизы, имелись фрагменты, сходные с образцами почвы, изъятыми у въездных ворот яхт-клуба.

3) На обоих рукавах джемпера Перевалова обнаружены следы дифениламина, входящего в состав продуктов выстрела.

Петренко: 1) На резиновой перчатке, изъятой из его автомобиля, имелся все тот же дифениламин.

2) На крышке ствольной коробки, в месте расположения защелки (то есть внутри автомата) найдены волосы, принадлежащие животному из отряда собачьих. Эти же волосы обнаружены на чехлах «девятки» Петренко. По показаниям супруги обвиняемого, в автомобиле частенько путешествовали их домашние любимцы (ротвейлер и боксер).

Кроме того, обстоятельства, при которых были задержаны Перевалов и Петренко, явно свидетельствовали против них. Их обнаружили при попытке унести ноги от места совершения убийства. Две дюжины свидетелей, участников и зрителей погони, судя по материалам дела, горят праведным гневом и готовы под присягой дать суду показания против злодеев. Более того, преступники, скрываясь, едва не угробили еще двоих, стремившихся остановить беззаконие, людей.

Ну и заключительным штрихом может стать мотив

убийства Макарова. Поначалу прокуратура вроде бы логично рассудила, что дело, по всей видимости, относится к разряду заказных. Общественное положение потерпевшего было таково, что этот вывод напрашивался сам собой. Однако какое-то время спустя в материалах дела появилась информация о конфликте между Переваловым и Макаровым, якобы имевшем место за три дня до совершения убийства. События развернулись в одном из ресторанов, принадлежавших Макарову. Перебравший в тот вечер по части спиртного, Перевалов вел себя, мягко говоря, некорректно, вследствие чего получил строгое внушение от хозяина заведения. Макар, не привыкший бросать свои слова на ветер, при помощи охраны выставил хулигана на улицу. И этот факт имел пренеприятные последствия для всех участников конфликта. Всемогущий Макаров пал жертвой самой банальной мести. Бедняга же Агеев, как любой невезучий человек, просто оказался не в нужном месте и не в нужное время. А Перевалов со своим сообщником Петренко обеспечили себе пожизненное заключение. И уповать им нужно не на адвокатов и доброго судью, а на бога. Если очень повезет, то они могут надеяться годков эдак на двадцать пять...

Лиза схватилась руками за голову. Да, похоже, славы, занимаясь этим делом, ей не дожждаться. Обличающие доказательства можно грузить на тележку, а вот оправдательных и под микроскопом не найдешь. Горе-киллеры Петренко и Перевалов даже не удосужились защищать себя. Все предварительное следствие они молчали, как в рот воды набравши, и отказывались что-либо объяснять. Разве будет молчать невиновный человек? Да ни за что на свете! Будет оправдываться, защищаться, приводить аргументы. Похоже, с подозреваемыми все ясно. А значит — прощай, слава, прощай, признание! А от мысли

о том, что прощаться приходится и с героем своих недавних грез, мужчиной — двойником обожаемого Клуни, Елизавете хотелось зло взвизгнуть и швырнуть все собранные по делу бумаженции в форточку.

Что же! Она, Елизавета Дубровская, не станет раздавать авансы, особенно по безнадежным делам. Ее задача — не вводить клиентов в заблуждение, а прямо в лоб заявить, что надеяться теперь уже подсудимый Петренко Сергей Алексеевич может только на чудо...

— Вы решили отказаться от дела? — произнес Полич с таким искренним огорчением, что Елизавете стало совестно.

— Да нет же! Просто я хотела еще раз удостовериться в том, что вы правильно понимаете сложившуюся ситуацию и не будете иметь ко мне претензий в будущем.

— Что вы! Какие претензии! — поспешил заверить Дубровскую Виктор Павлович, для убедительности подняв вверх обе руки.

— В общем, так! Работать я буду добросовестно. Но скажу вам откровенно, моя задача, как защитника, будет очень узкой и весьма конкретной. Я постараюсь сделать все от меня зависящее, чтобы ваш подопечный не получил пожизненного заключения.

— Что вы говорите! Его могут расстрелять?

— Скажем так, ему ничего другого не светило бы, но действующий в стране мораторий на применение смертной казни предполагает пожизненное заключение. Это — альтернатива высшей мере наказания на сегодняшний день.

Полич задумался на несколько минут, потом произнес:

— Спасибо вам за правду, Елизавета Германовна. Но я, как близкий друг и бывший директор этих охладомов, несу моральную ответственность перед члена-

ми их семей. А поэтому искренне прошу вас помочь мне.

Елизавета была тронута проявлением такого дружеского участия. Не так часто встретишь сейчас столь верных и преданных друзей.

— Я хотела вас спросить... Скажите, а что, Перевалов и Петренко, на ваш взгляд, действительно похожи на хладнокровных убийц?

— Ну я бы так не сказал, — замялся Полич. — Но, впрочем, то, что им вменяют в вину... Как бы правильнее выразиться? Соответствует их натуре, что ли... Перевалов — красивый, взрывной парень, заводится с пол-оборота. Очень высокого мнения о себе, не прощает обид, смел, дерзок, решителен. В общем, я не удивился, когда узнал, что из-за какого-то пустякового конфликта он задумал убийство. А Петренко — его товарищ, но полная ему противоположность. Рохля, флегматик, легко поддается внушению. Что удивительно, при подобных чертах характера — мастер спорта по боксу в тяжелом весе. Но лидером, бесспорно, в их дружеском союзе всегда был Перевалов. Они одногодки. Даже учились, как помнится, вместе. Перевалова я взял к себе в заместители, а Петренко так рядовым и остался. Но он настолько неамбициозен, что это, кажется, его ничуть не задевало.

— Надо же, — удивилась Елизавета, — насколько точно ваша характеристика совпадает с данными уголовного дела. Ведущая роль, конечно, принадлежала Перевалову. У него был мотив, он разработал все детали нападения, он стрелял... Петренко же только сидел за баранкой да удирал от преследователей. Правда, чуть не сбил насмерть свидетеля, а потом милиционера.

— Не удивлюсь, если инструкции, что и как делать, ему давал Перевалов. — Полич махнул рукой. — Эх, жаль парня! У него жена молодая дома осталась. Хорошо, что детей завести не успел, а то сиротами бы остались. Я, конечно, чем смогу — помогу его супруге. Но сами понимаете, разве это утешение!

— Верно, — молвила Елизавета, погруженная в свои думы.

— Я вот тут принес кое-что. — Полич достал папку с бумагами и протянул ее Елизавете. — Там характеристики, ходатайства от коллектива, справки о поощрениях. Может, это хоть как-нибудь поможет?

Елизавете не хотелось его огорчать.

— М-м, пригодится... наверно. Спасибо, — пробормотала она.

— Елизавета Германовна, у меня есть определенные связи. Я все же бывший мент и далеко не рядовой. Так что могу оказать вам посильную помощь. По мере сил, конечно...

Дубровской было очень жаль этого обаятельного мужчину, готового, как говорится, подставить спину под бремя чужих, по сути, проблем. Она жалела молодую супругу своего клиента, да и самого Петренко. Как бы то ни было, но помочь ему она не сможет. Эта задача была бы не по силам даже великому Грановскому!

Петренко оказался высоким молодым мужчиной отнюдь не хрупкого телосложения. «Тюфяк!» — первое, что пришло на ум Елизавете. Действительно, имевшие место спортивные заслуги ее подзащитного, тем более в таком виде спорта, как бокс, как-то не ассоциировались с рыхлым телом мужчины. Жиденькие, неопределенного цвета волосы обрамляли широкий, без морщин и малейшего намека на развитый интеллект, лоб. В его выцветших, как голубая тряпка на солнце, глазах Дубровская не прочитала ничего, кроме усталости и безразличия. «Господи! Опять мне такое же наказание!» — взмолилась она в душе, взывая к невидимому Создателю. Дело в том, что первый клиент Дубровской по делу Суворова был почти точной копией этого Петренко. Но он, ко всему прочему, был еще ненормальным и обращал внимания на Елизавету столько же, сколько средне-

статистический человек тратит, любуясь пустым местом. В довершение всех бед он сжирал по полкило конфет, прежде чем соглашался вымолвить хоть слово. Излишне говорить, что эти конфеты Дубровская приобретала на свои деньги. «Второй раз я такого не вынесу», — в отчаянии подумала она, но вслух произнесла:

— Здравствуйте. Я ваш адвокат — Дубровская Елизавета Германовна.

Прежний ее клиент в ответ невнятно произносил: «Э-э?» — и, вперив в потолок бессмысленные глаза, почесывал свое интимное место.

Петренко же взглянул на нее, правда, без малейшего интереса:

— Сергей Алексеевич. Можно без церемоний, Сергей.

«Слава богу!» — возликовала в душе Елизавета.

— Я ознакомилась с вашим делом, Сергей...

— Дело дрянь?

— Ну, вообще-то... Положение у вас не самое лучшее. Правильнее сказать, совсем нехорошее.

— А еще правильнее, дрянь! Я так и знал, — заявил Петренко и принялся рассматривать свои аккуратно подстриженные ногти.

— Я пришла, чтобы обсудить с вами то, что вы будете говорить в суде.

— А смысл? — вяло поинтересовался Петренко.

— Но мы же должны защищаться! — воскликнула Елизавета.

— Зачем?

— Неужели мы будем сидеть сложа руки и ждать, пока кто-то решит вашу судьбу?

— Моя судьба уже решена, — без эмоций сообщил Сергей. — Но если вы так любопытны, я скажу: я невинен!

— Вы будете отрицать то, что были на Кедровом озере в тот день?

— Нет! Не буду. Я был там.

— Ну и как вы объясните суду, зачем вы туда поехали?

— По грибы, — простодушно заявил Петренко. — Я и мой товарищ Перевалов хотели насобирать грибов.

«Час от часу не легче!» — вздохнула Елизавета, а вслух поинтересовалась:

— Ну и как, насобирали?

— Не нашли, — развел руками Сергей.

— Ну вот что, Сергей Алексеевич! — грозно заявила Елизавета. — Я не думаю, что это удачная линия защиты в суде.

— Вот видите. Вы мне не верите... Мы действительно собирались за грибами. А на обратном пути увидели мужиков с ружьями посередине дороги, побоялись останавливаться и проехали мимо.

«И чуть не лишили жизни двух ни в чем не повинных людей!»

— А вам что-нибудь известно о конфликте Перевалова и Макарова?

— Может, что и было. Не знаю.

У Елизаветы сложилось впечатление, что ее подзащитный откровенно валяет дурака. Причем делает это так, будто оказывает ей большое одолжение: говорит мало, инициативы в разговоре не проявляет. Похоже, ему безразлично, как сложится его судьба. Впрочем, прояви он заинтересованность, результат был бы тем же. Так что нет никакой разницы, заявит он, что собирал в тот роковой день грибы на Кедровом озере, или же скажет, что возвращался с прогулки по Марсу. Все одно! Он будет признан виновным. Но, судя по всему, он виновен на самом деле.

— У меня к вам просьба, — почти застенчиво произнес Петренко, наблюдая, как Елизавета собирает бумаги в портфель. — Передайте это моей жене.

С этими словами он вручил адвокату конверт. Елизавета растерянно повертела его в руках. Замысловатые розочки и умильные кошачьи морды создавали на конверте узор, не оставлявший сомнений в том, что в ру-

ках Дубровской был типичный образчик тюремного творчества. В неволе у некоторых заключенных развивается талант. Один строчит длиннющие послания в стихах о своей загубленной жизни, другой катает из хлебного мякиша забавные фигурки, третий рисует пошлые картинки. Елизавету не умиляли слезоточивые блатные песни. И к котяткам и прочей мелкой живности она относилась спокойно. «Господи! И находятся дуры, которые верят во всю эту галиматью!» — вздохнула она.

— Передам, — пообещала Дубровская. — До встречи!

— До свидания, — буркнул Сергей, не проявляя ни малейшего интереса к тому, что Лиза уходит. Справедливости ради надо заметить, что и ее появление взволновало его не больше, чем вылазка запечного таракана.

«Конечно, я не ожидала горячей радости. Но все-таки обидно», — подумала Дубровская, закрывая за собой дверь.

Изнуряющее однообразие тюремных будней имеет подчас свою положительную сторону. Где, как не здесь, представляется уникальная возможность остановиться и посмотреть на свою жизнь как бы со стороны. Так было и с Сергеем Петренко. Он не просто осмысливал прожитые годы, он как бы отсутствовал в камере. Его большое нескладное тело безропотно переносило все тяготы жизни в заключении. Он мог бы считаться образцовым узником. Но его душа, покинув тесную оболочку, выбралась из серых стен изолятора и скиталась в прошлом. Он не верил в будущее. Его мало интересовало настоящее. Он жил давно ушедшими днями...

Воспоминания о детских и юношеских годах не вызывали у Сергея Петренко щемящего чувства ностальгии. Они, подобно серой ленте дороги без указателей и дорожных знаков, бесконечно петляли где-то в самых дальних закоулках сознания.